

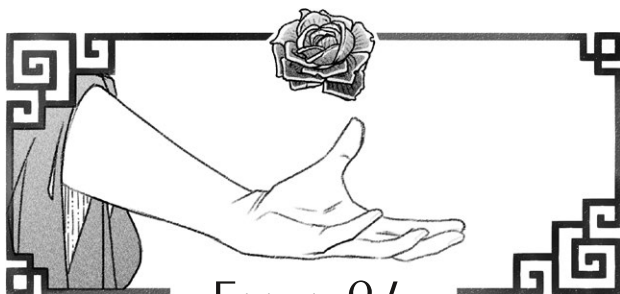
Эл Моргот

ЗЛОДЕЙСКИЙ ♦ 4 ♦ ПУТЬ!

новелла

МИОО

ГЛАВА 96

ВОЗВРАЩЕНИЕ

С проклятием в деревне серодобытчиков было покончено. Лекари во главе с Загом и Шен с компанией практически одновременно выехали из деревни, только первые улетели на мечах, а последние вывели повозку на дорогу и, не обращая внимания на пристально наблюдающих за ними местных жителей, отправились прочь не оглядываясь.

Тройка лошадей, привязанная к повозке сзади, смотрелась нелепо. Первоначально привязали только личного коня Риту, которого она забрала с собой из дома. Теперь же лошади Ала и Аннис тоже оказались без седоков. Так что повозка и правда выглядела странно: две запряженные в нее лошади и еще три запасные.

Четыре дня пролетели без происшествий. Шен за это время не пользовался своими духовными силами, как и обещал Загу, хотя с каждым днем все больше тяготился этим обещанием. Ал вместе с Риту ехал в повозке и почти все время был в поле зрения, но на попытки Шена проверить, как там его рана, отвечал категоричным отказом, аргументируя тем, что все уже давно зажило. Подобное отношение несколько уязвляло, ведь Шен искренне пытался помочь, но он решил не заострять на этом внимания, чтобы не чувствовать себя еще глупее. Муан не терпящим возражений тоном заявил, что не будет сворачивать никуда с главного тракта, кроме

больших хороших гостиниц, и следовал этому неукоснительно, хоть никто (и уж тем более Шен) не пытался как-то повлиять на это решение.

Вот так через четыре дня они прибыли в орден РР. День уже клонился к вечеру, по пути на пик Таящегося ветра им встретилось мало знакомых. Шен вылез из повозки и со вздохом осмотрелся по сторонам. Вот он и «дома».

К сожалению, сразу отправиться на свой родной черный пик он не мог: рядом стояла внучка, которую нужно куда-то определить. Поскольку Шен не имел об этом никакого понятия, он решил перво-наперво отвести ее поприветствовать второго двоюродного дедушку.

Муан, в последнее время часто хмуриющийся, передал поводья ученикам, отрабатывающим наказание в конюшне, а Шену буркнул, что отправится к себе. Шен кивнул, не развивая диалога.

Ал проводил учителя и Риту до моста на пик Золотой зари и попрощался с ними в ответ на прощание учителя. Ему было обидно, что его отослали таким вежливым образом, но это давало возможность последовать за учителем втайне. Выждав, когда учитель и Риту отойдут подальше, Ал замаскировал свою заклинательскую ауру и последовал за ними. Ему нравилось вот так молчаливо идти за учителем, это создавало ощущение, будто они прогуливаются вместе.

Поскольку Шен обещал старейшине Загу, что не будет пока пользоваться своими духовными силами, ему приходилось расхаживать между пиками пешком. Отдав внучку на попечение главе ордена, он направился на пик Черного лотоса, а Ал молчаливой тенью последовал за ним. Наблюдая, как учитель медленно идет по мосту, Ал подумал, что мог бы так следовать за ним годами, глядя на его статную фигуру и оберегая его покой.

Учитель остановился на середине моста и посмотрел на серые вершины гор, глубоко вздохнув. Он выглядел задумчиво и меланхолично, впрочем, он почти всегда так выглядел, когда цеплялся взглядом за красоту окружающего мира. Ал не мог понять, на что

он смотрит. В этих горах нет ничего интересного. Единственный объект, достойный внимания, находится сейчас перед глазами Ала.

Учитель отвернулся и пошел вперед. Прогулка подошла к концу, и он скрылся в своем черном замке. Ал не решался прокрасться внутрь, поэтому поклонился тяжелым дверям и отправился прочь.

Счастливое путешествие с учителем закончилось, пора возвращаться на ненавистный пик Таящегося ветра. Когда же это место стало столь ненавистным для Ала? Он на самом деле устал там находиться, а контраст между тем, как относится к нему учитель и как его воспринимают на пике Таящегося ветра, только подогревал эту неприязнь.

Хотя многое переменялось с тех пор, как он стал учеником старейшины Шена, этого не казалось достаточным. Ал мечтал о будущем со всей юношеской дерзостью. К сожалению, одному из главных его желаний не суждено сбыться: только в мечтах он мог перебраться на пик своего учителя. Что для личных учеников других старейшин было в порядке вещей — для него оказалось недостижимым, ведь на пике Черного лотоса запрещено жить ученикам, и это не подлежит обсуждению. Все из-за давней истории, о которой до сих пор ходят слухи. Все из-за того, что пик Лотоса стал пиком Черного лотоса. Только человек, обладающий столь высоким уровнем духовной энергии, как его учитель, мог находиться там.

Ал обернулся и посмотрел на теряющийся в ночи черный замок. Интригующее и запретное место, под стать его учителю.

Три года назад, когда Ал прошел испытания и поступил в орден РР, в нем было много самомнения. Однако со временем из-за собственных неудач, издевательств со стороны соучеников и пренебрежительного отношения учителей его самооценка дала трещину и, как подбитая лодчонка, опустилась на самое дно. Наверное, он мог бы все это стерпеть, если хотя бы один человек говорил ему, что с ним все в порядке, а неудачи естественны. Но он слышал только, что бездарности вроде него не стать заклинателем, ему нужно работать

больше, если он не хочет опозорить орден, даже собаку можно выдрессировать, а он отродье, не поддающееся элементарному обучению. Ал зациклился на этих словах, в какой-то момент все вокруг стали врагами. Он уже не обращал внимания на похвалы старших учеников и признание некоторых его заслуг учителями. Теперь все воспринималось как насмешка.

Самым сложным для новичка в ордене РР было пережить первый год — время, когда детей ломали, чтобы оставить лишь тех, у кого железный стержень. Никого из новичков не щадили, не утешали и не хвалили. Для остальных в ордене новички были недостойны внимания, как рабы без права голоса, о них позволялось вытирать ноги, их заставляли подвергать свое тело нагрузкам, которые для них казались невыносимыми. Следовало закалять плоть и дух так, чтобы в дальнейшем ничто не могло сломить их. Потому что даже пройденные вступительные испытания — это всего лишь первый шаг; пережить следующий год — вот настоящее испытание. Многие не справлялись, больше половины отсеивалось, убегая из ордена в слезах и с воплями, что это вовсе не то, что они себе представляли.

Ал тоже предпочел бы сдаться. Он ценил свою гордость очень высоко, он выпестовал ее в тяжелых условиях, когда приходилось заботиться о семье, голодать и даже продавать травы на улице, чтобы заработать на мешочек риса. Он никому не позволял перейти в отношениях с собой определенную черту и гордился этим. Но в ордене не оказалось ни одного человека, который признал бы его заслуги и уважал. Все относились к нему с презрением и пренебрежением и демонстрировали превосходство при каждой возможности. Гордости Ала был нанесен сокрушительный удар, и не было никакой возможности отстоять ее в драке, ведь эти подлые людишки не гнушались бить того, кто слабее, и подтрунивать на сей счет. Если бы не ссора с матерью, если бы не их спор, если бы не ее неверие в то, что он станет заклинателем, он бы сдался и вернулся домой. У них был дом, куда можно вернуться. Он смог бы ужиться

с отчимом или же найти возможность не видеть его слишком часто. Но ее слова уязвили его и засели глубоко в душе: «Ты рехнулся! Тебе — стать бессмертным заклинателем? Ты лишь потратишь время впустую, вместо того чтобы заняться тем, что действительно имеет смысл!» Он впервые грубо крикнул в ответ, и после этого разговора они расстались. Ал ушел из дома с четким осознанием неодобрения и неверия в него единственного человека, чье мнение имело значение. И вот теперь вернуться, признав, что она была права? Что заклинательство — это слишком круто для такого, как он?

Пусть его гордости и был нанесен сокрушающий удар, такого бы он не пережил. Уж лучше замерзнуть в выгребной яме, или помереть, таская эти огромные бревна, или быть избитым соучениками до смерти, но не вернуться домой после того, как именно он оттуда ушел.

Так что Ал не мог сказать, что стойко пережил вступительный год издевательств в ордене РР. В какой-то мере он серьезно поломался, и его восприятие мира сильно исказилось. Может быть, по этой причине он не нашел друзей в следующие годы, оставаясь отбросом, которого все привыкли гнобить. Появление в его жизни старейшины Шена стало лучиком света, прорезавшим пустую, туманную реальность. Он словно очнулся от наваждения и вспомнил, зачем поступал в орден и кем мечтал стать. Единственный человек, который сказал ему, что у него хорошо получается. После этого все переменялось.

Сейчас Ал уже с трудом вспоминал тот период своей жизни, когда позволял другим называть себя отбросом и сам ощущал себя таковым. Мозг быстро стирал эти травмирующие воспоминания. Он скорее осознавал это как факт, но не помнил детально и никогда не пытался мысленно вернуться в то время. Это была раздражающая пора никчемности, но он пережил ее. Теперь благодаря учителю, который верил в него, он убедился в своих силах. Пусть не сразу, но все получится. Учитель не ждал от него слишком многого, и именно это мотивировало Ала показать лучший результат.

Ал вернулся на пик Таящегося ветра. Проходя по дороге через парк, он углядел на лавочке знакомую фигуру. Иронично, но именно эта вздорная девчонка с несносным характером и раздутым самомнением, которая, в отличие от него, никогда не подвергалась испытанию «вступительного года», стала его первым и пока что единственным другом в ордене РР. Правда, она об этом, конечно же, не узнает.

— Хорошо отдохнула? — вместо приветствия спросил Ал.

Се Аннис подскочила с лавки и подошла к нему, чтобы вместе прогуляться до жилых комнат.

— Я так рада, что вы наконец вернулись! — не поддавшись на его провокацию, поведала она. — Ты не представляешь, как я сожалела, что не могу отправиться назад вместе со старейшиной Загом и учениками!

— Ты в самом деле долетела за полтора дня? Если так, то, должно быть, подчистую вычерпала свой запас духовной энергии.

— Думала, что помру, — честно призналась Аннис. — И мама меня потом чуть не убила, когда заметила. Я более-менее быстро восстановилась с помощью артефактов, но лететь назад она мне не позволила. Я насилу успокоила ее, первые пару дней она требовала от меня, чтобы я выбрала другого учителя.

— Ну да, «принцесса» пика Персикового цветка может выбирать учителей по своему желанию, — скривившись, поддел ее Ал.

— Можно подумать, ты выбрал бы другого учителя, будь у тебя такая возможность!

— Мне это не нужно.

— Мне тоже.

Они замолчали, уставившись на здание общежития для учеников общего потока. Еще один повод для головной боли Ала: те, кто обучались на других пиках, до сих пор смотрели на него свысока из-за того, что он живет здесь, пусть у него и есть учитель; а те, кто жили в общежитии на общих основаниях и не имели отношения к какому-либо пику, потому что были недостаточно талантливы, завидовали Алу и раздражались.

Были, правда, и плюсы в его такой дислокации: столовая с кухней совсем близко, и Ал наловчился проникать туда незаметно. Однако, кроме тех, кого раздражала его персона, стали появляться и те, кто перед ним заискивал и желал иметь с ним хорошие отношения, что Ала забавляло, но не слишком тешило самолюбие. Прошлые годы научили его знать цену доброму слову.

Се Аннис никогда не сочувствовала Алу, что он живет на пике Таящегося ветра. Благодаря своей матери она была персоной с особым статусом и могла позволить себе высокомерно высказываться о том, почему все так хотят разбежаться по другим пикам, ведь совершенствоваться можно независимо от места. Ал ничего не ответил тогда, думая, что было бы забавно посмотреть, как изменилось бы ее мнение, пройди она через те же испытания, что и обычные ученики. Ал был уверен, что она стала бы плакать и звать мамочку.

Аннис потребовала краткого пересказа всего, что произошло после того, как она улетела, и удовлетворилась только после пылко-го заверения Ала, что не случилось ровным счетом ничего интересного. О нападении каких-то людей на учителя и своем ранении Ал решил рассказать позже, поскольку сейчас был совершенно не в настроении. Попрощавшись с Аннис, он направился в свою комнату.

О личной комнате на пике Таящегося ветра можно было только мечтать, поэтому Алу приходилось делить ее с тремя учениками. Отношения у них были сносными, хотя Ал, приходя в комнату, чувствовал себя четвертым лишним. Вот и на сей раз, войдя, он встретился с выражениями лиц: «О, он вернулся, какая жалость». Жить с соседями, постоянно ощущая их незавуалированное желание, чтобы он исчез, было непросто, но за столько времени Ал привык, и теперь его даже радовало, что они практически не разговаривают.

Три парня сидели на кровати и рассматривали книжку с картинками. При виде Ала их раскрасневшиеся от смеха лица на мгновение приняли кислое выражение, но затем почти сразу стали серьезными.

Буркнув приветствие, соседи продолжили рассматривать книгу, теперь шушукаясь вполголоса.

Ал кинул на кровать свои вещи и прошел в уборную. Пусть общежитие пика Таящегося ветра и было скромным, однако лишь по сравнению с другими пиками. В каждой комнате располагалась небольшая уборная, в которой можно было умыться (конечно, если сам натаскаешь воду) и привести в порядок внешний вид. За этим следили строго, поэтому везде висело по маленькому зеркалу.

Ал снял верхнюю одежду и рубашку и полуобернулся так, чтобы видеть в зеркале правое плечо. Он привык, что на нем все быстро заживает, и не мог жаловаться учителю на столь пустячное ранение. Однако на деле его начинала беспокоить рана, не затянувшаяся и за пять дней. В какой-то мере стало даже хуже: возле места, куда попала стрела, набухли вены, окрасившиеся в странный черноватый цвет. Сначала они были просто темными, и Ал решил, что их лучше видно из-за бледности кожи, но сейчас не оставалось сомнений: их цвет ненормален. Хотя все еще хотелось тешить себя мыслью, что ему кажется.

Он провел пальцами по ране и скривился от пронзившей плечо боли. Наверное, ему все же стоит обратиться к лекарю. Но пока что он еще раз попробует нанести на рану заживляющую мазь мастера Муана, вдруг завтра станет лучше.

Хоть Ал и был освобожден от обучения пика Таящегося ветра, так как теперь был личным учеником Шена, все же должен был посещать общие занятия. Одним из таких обязательных занятий была каллиграфия, которой пришлось посвятить всю первую половину дня. Лишь после нее Ал наконец смог пойти к своему учителю.

Раздумывая над тем, стоит ли предстать перед учителем и поговорить или лучше последить со стороны, Ал перелетел на пик Черного лотоса на мече и укрылся в черных кустах сбоку от площади, решив сначала разведать обстановку. Его решение вскоре

оправдало себя, так как этим днем он оказался не единственным, кто надумал посетить единоличные владения старейшины Шена.

На площади перед замком медленно прохаживался старейшина Лев. Расхаживая взад-вперед, он каждый раз замирал на пару мгновений перед дверями, а один раз даже постучал, используя большущее металлическое кольцо, свисающее из пасти дракона. Ответа не последовало, и старейшина Лев вновь стал вышагивать из стороны в сторону.

Где-то минут через сорок Шен открыл двери своего замка, выходя наружу, и был чуть ли не снесен вихрем под названием «старейшина пика Синих звезд».

— Друг мой, наконец-то ты вернулся! — проорал тот.

Шен явно опешил от такого страстного приветствия. Однако, быстро взяв себя в руки, саркастично поднял бровь и поинтересовался:

— Ты скучал?

— Не представляешь как! — с готовностью согласился Лев. — Места себе не находил! Главу ордена донял до такой степени, что он по большому секрету сообщил мне, что ты уехал на месяц. Я рад, что ты вернулся чуть раньше!

На какое-то время на площади воцарилось молчание. Лев, не прекращая улыбаться, смотрел на Шена, а тот на него. Затем Шен проницательно спросил:

— Хочешь забрать что-то из своего погреба?

Старейшина Лев выдохнул с таким облегчением, будто у него гора с плеч свалилась.

— Ну, раз уж ты предлагаешь, а я уже все равно зашел...

— Идем, — усмехнулся Шен и рукой пригласил гостя проследовать в его обитель.

Ал остался на улице один. Он осмотрелся по сторонам, но вокруг была привычная чернота Проклятого пика без единого намека на яркие живые краски. Впрочем, приближалась зима, и остальные пики тоже выглядели не слишком красочно.

Плечо пронзила пульсирующая боль, и Ал согнулся, сдерживая стон. Внезапно он услышал голос над своим ухом: «Твой учитель такой жалкий. Не может помочь тебе, не может научить тебя. Я расскажу тебе, как обрести силу».

Ал резко развернулся, положив руку на меч, но рядом никого не было. Сердце кольнула тревога. Что это сейчас такое было?!

Когда Ал не находился на общих занятиях, он проводил время в медитациях и самосовершенствовании, разрабатывая внутренние каналы тела и пытаясь совладать с бушующей внутри золотого ядра энергией. Он не показывался на глаза учителю, надеясь быстро повысить свой уровень и похвастаться перед ним результатом, мечтая увидеть в его глазах восхищение способностями этого ученика и услышать похвалу. Незаметно прокрасться на пик Черного лотоса, чтобы увидеть учителя хотя бы на несколько минут, было той наградой, которую он позволял себе за часы упорной работы.

Его рана постепенно стала затягиваться, поэтому он решил не отвлекать лекарей по пустякам. Станный голос он с тех пор больше не слышал и практически убедил себя, что тогда ему всего лишь почудилось.

Прошла уже неделя с тех пор, как он разговаривал с учителем в последний раз, и Ал был решительно настроен сегодня поговорить с ним. Он даже набросал список вопросов, которые может ему задать, так как боялся, что от волнения разучится связно мыслить.

Однако планы Ала были нарушены: на площади перед черным замком учитель оказался не один. Судя по всему, мастер Муан пришел немногим раньше Ала, так как разговор между ними только начался, когда Ал укрылся поблизости.

Учитель сидел на своей излюбленной лавочке, держа в руке кувшин с вином, а мастер Муан подошел к нему и остановился рядом, сложив руки на груди.

— Старейшина Лев жаловался, что его винный погреб значительно уменьшился в размерах, — обвиняющим тоном произнес мастер Муан. — Теперь я понимаю почему.

— Он и правда сказал тебе такое? — чуть удивленно произнес учитель.

— Нет, — признался Муан. — Но мог бы. Тебе не кажется, что подобное ненормально?

Шен перевел на него взгляд. В его глазах сквозило легкое раздражение.

— Думаю, я вполне способен решить без твоего участия, выпить мне пару кувшинчиков перед сном или нет. В конце концов, тело бессмертного заклинателя легко справляется с алкоголем: если я захочу, то протрезвею в тот же миг. Что и к тебе относится, так что не нужно совестить меня тем фактом, что из-за нашей связи ты становишься пассивным алкоголиком.

Муан устался на него, поджав губы.

— Я не об этом говорю, а о том, что тебя все еще мучат кошмары! Вот это ненормально.

— В последнее время особо не мучат, — беспечно заметил Шен.

— Шен!

— Если у тебя нет конкретных идей, давай ты не будешь напрягать меня бессмысленными разговорами? Я, вообще-то, пытаюсь расслабиться, если ты не заметил.

Муан покраснел то ли от негодования, то ли еще от чего.

— Отлично! — зло произнес он и развернулся, чтобы уйти.

Однако, замерев на месте, затем все же обернулся и продолжил:

— Все как всегда! И чего я, собственно, ожидал?!

Шен повернулся к нему и с искренним непониманием поинтересовался:

— А чего ты ожидал?

Хоть он на самом деле не имел в виду ничего такого, этот вопрос прозвучал как насмешка. Наверное, Шен сам это осознал, увидев реакцию Муана.

Тот разъяренно ошетинился и прокричал:

— Меньше эгоизма я ожидал! Хотя бы чуть-чуть меньше!!

С этими словами он развернулся и быстро пошел прочь, а через несколько шагов взлетел на мече. Шен проследил за его удаляющейся фигурой и перевел взгляд на картину заходящего за горизонт солнца.

Ал искренне не понимал, почему мастеру Муану так сложно ладить с учителем и почему он так требователен к нему. Разве недостаточно того, что Шен снисходит до него и разговаривает? Более того, Ал не припомнил случая, чтобы учитель выходил из себя и кричал на него, а Муан орет и расстраивает учителя с учащающейся периодичностью. Если он в самом деле желает проявить заботу, разве не должен вести себя с точностью до наоборот? Нет, у мастера Муана все-таки мерзкий характер, и он тот еще грубиян и садист. Он что, специально ищет способы, как расстроить учителя и самоутвердиться за его счет? Раньше он постоянно поддевал его и пытался унижить, теперь же чаще применяет физическую силу или в чем-то обвиняет, переходя на крик.

Вот она — еще одна причина Ала стать сильнее: он не позволит никому повышать голос на учителя и расстраивать его. Пусть учитель не обращает внимания на все это, считая мелочами, Ал прекрасно знает, как задевают подобные вещи.

Красное закатное небо постепенно обратилось бурым, а затем темно-синим. Шен поднялся с лавки и быстро скрылся в черном замке. Только тогда задумавшийся Ал с досадой осознал, что так и не сможет поговорить с ним сегодня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 96. Возвращение	5
Глава 97. Эта кандидатура подозрительно хороша	17
Глава 98. Добро пожаловать в орден РР, Демнамелас	28
Глава 99.1. Запрос о смерти	42
Глава 99.2. Близкий человек	55
Глава 100. Семь понедельников — раз	66
Глава 101. Семь понедельников — два	81
Глава 102. Семь понедельников — три	91
Глава 103. Семь понедельников — четыре	105
Глава 104. Семь понедельников — пять и шесть	117
Глава 105. Вторник	138
Глава 106.1. Холодность	155
Глава 106.2. Нравнодушие	169
Глава 107. Я напишу тебе список	178
Глава 108. Испытание пика Черного лотоса	189
Глава 109. Вечер на пике Черного лотоса	207
Глава 110. Заколдованный	223
Глава 111. Лабиринт Пади Саллан	232
Глава 112.1. Снегопад	248
Глава 112.2. После снегопада	257
Глава 113. Черный-черный	269

Глава 114. Страшный взгляд	285
Глава 115. Безжалостная забота	300
Глава 116. Живучий черт	312
Глава 117. Междусценье	328
Глава 118. Незаметный	340
Глава 119. Струны	360
Глава 120.1. Победить монстра	375
Глава 120.2. Беззащитный	384
Глава 121. Тепла или боли?	396
Глава 122. Моему возлюбленному нужно тепло	406
Глава 123. Теплое приветствие моей судьбы	421
Глава 124. Холодный маскарад	431
Глава 125. Тепло этой ночи	442
Глава 126. Холод обжигающих обстоятельств	458
Глава 127.1. Холод твоего света	475
Глава 127.2. Тепло твоей тьмы	484